

ЕЛЕНА РОДЧЕНКОВА

ПРОДАЁТСЯ РОДНОЙ ДОМ

РАССКАЗ

Когда Леониду Петровичу Федорову, директору металлургического завода, позвонили из райотдела милиции и сообщили, что в его родном деревенском доме кто-то похозяйничал, он не расстроился. Брать там было нечего, ездил он туда редко, больше двух-трех дней не выдерживал, а супруга Илона старый дом не любила. Дочки жили за границей, и материнский дом фактом своего существования очень портил жизнь всей их семье.

— Сколько веревочке не виться, а конец будет. Спалют и отмучаемся, — сказала Илона, и Леонид Петрович решил продать дом, чтобы не спалили.

Илона нашла покупателя, и как только следователь райотдела вызвал Федорова оформить бумаги и закрыть дело, Леонид Петрович оставил замам свое огромное предприятие и поехал продавать дом. Мог бы по доверенности, но что-то не пустило. Поехал сам.

Приехал поздно вечером, открыл скрипучую дверь, включил электрический самовар, затопил русскую печь. С дороги устал, забрался наверх еще холодной печи и, как был, в выходном костюме, сунулся в старые валенки и уснул.

Снилось ему что-то непонятное, лишнее, страшное. Оно цеплялось за горло, мурашками бегало по телу и било по ногам. Федоров отчаянно сопротивлялся, что-то мычал, но никак не мог крикнуть и позвать на помощь. Пытался махать руками, но руки были неподвижными. Это жуткое без назва-

---

РОДЧЕНКОВА Елена Алексеевна родилась в г. Новоржеве Псковской области. Окончила Ленинградский институт культуры и Ленинградский гуманитарный университет. Член Союза писателей России. Автор нескольких книг поэзии и прозы. Живёт в Санкт-Петербурге.

ния толкало его в бок, прокусывало кожу и просачивалось внутрь, растворялось в крови, устремляясь к сердцу.

Леонид Петрович резко открыл глаза. Непроглядная тьма вокруг навалилась и стала душить его. Он уперся ногами в стену, головой — в другую, поднял правую руку и нащупал крышку... гроба. Пошарил левой рукой. Там тоже была стена.

“Все...” — мелькнуло в его голове. Он дрогнул всем телом и замер в ледяном оцепенении. Волосы на затылке поднялись дыбом, пальцы скрючились, ухвативши ворот рубахи, тело выпрямилось, как кол, и жизнь остановилась.

Несколько секунд он уже ничего не чувствовал, потом вдруг услышал звук своего сотового телефона, колыхнулся так, будто в него попала бомба, обмяк, расплылся, и тихонько забыл. Его тоненький голосок, жалобный и чужой, исходил не из горла, а откуда-то из висков и напоминал мелодию сотового телефона.

В ногах Федорова неожиданно кто-то зашевелился, закопошился. Федоров, равнодушно воя, отодвинул ногу, и неизвестное животное прыгнуло ему на грудь, вцепилось когтями в кожу. Увидев кошачьи глаза, поняв, что он не в гробу, а дома на печке, Федоров потерял сознание.

“Приснится же такое!” — шептал Леонид Иванович, с трудом слезая с высокой печи. После печной духоты в избе показалось холодно. Мокрый, потный, Леонид Петрович снял галстук, мятый пиджак повесил на спинку стула и полез в шкаф найти что-нибудь переодеться.

Среди стопок с домоткаными вышитыми полотенцами и скатертями отыскал две новые неношеные маманины фланелевые кофты. Повертев их в руках, одобрительно кивнул. Одну положил про запас назад, а другую надел. Пригладил перед зеркалом торпорщасьуюся от выгачек на груди материю, сунул руки в большие накладные карманы, в которых маманя обычно носила спички, конфетки для ребят и прочую мелочь, и вдруг лицо его скривилось, он закрыл глаза рукой и долго так стоял у зеркала в цветастой мятой кофте — голубые незабудки по зеленому полю... Маманя любила незабудки. Он носил ей их с реки...

Когда в окно постучали, Леонид Петрович растапливал печь. Он подошел к окну, отдернул штору, протер рукой запотевшее изнутри стекло.

— Чего, Серега?

Сосед Серега, дрожа от утренней свежести, показывал что-то на пальцах, с отчаянием проводил рукой по горлу и изображал губами и глазами какую-то речь. За Серegiной спиной, понуро свесив голову на грудь, уперев руки в боки, согласно кивал дачник Ледков.

— Говори толком, что ты руками машешь? Слышу все, не в поезде сижу. Ну?

Серега призывно махнул головой, а потом рукой — иди, мол, сюда, на улицу.

— Печку топлю, заходите сами, не закрыто.

Леонид Петрович взял нож и стал чистить картошку. В окно снова постучали.

— Чего?! Дверей не нашли?

Дачник Ледков мрачно, исподлобья дырявил глазами Леонида Петровича.

— У тебя бензин есть? — деловито спросил Серега.

— Есть.

— Тогда заводи машину.

— Начинается! Я печку топлю.

— Не хочешь помочь человеку в беде?

— Водка кончилась?

— Корова не доена второй день. Гибнет животина. И, главное, что на привязи пасется, сама прийти не может.

— Где?

— Да тут близко. Женя говорит, что на горе, за деревней.

— Собака я, собака, забыл, — покаянно сказал дачник Ледков.

— Стихни, Женя. Поехали, Левонид.

— Сами дойдете, тут недалеко.

— Да дошли бы и без тебя, но я корову доить не умею, а ты умеешь. А у Жени вон — рука вывихнута, упал он.

— Умею доить, да... — кивнул Леонид Петрович.

— Бери ведро, поехали, Левонид. Надо корову выручать.

Август стоял прохладный, но не дождливый, однако дорога была плохой.

Выехав за деревню, Федоров вопросительно глянул на Серегу, который с интересом изучал дорогой сотовый телефон Леонида Петровича, взвизгивая в ответ на внезапные входящие звонки и вежливо подставляя телефон к уху Федорова для разговора.

— Женья, где корова? — спросил Леонид Петрович.

— На горе, — сказал дачник Ледков и вдруг громко взхлеб заржал.

Федоров с опаской глянул через плечо, кивнул Сереге и вопросительно покрутил пальцем у виска.

— Нет?

Серега оглянулся и долго изучающее смотрел на дачника.

— Женья, а чего ты ржешь? Может, на другой горе? Не на этой? Тут нету коровы, Женья.

— Плохо смотришь! Есть! — вдруг мрачным, густым басом произнес дачник Ледков. — Вылезайте, доить будем.

Леонид Петрович поежился, остановил машину и открыл дверцу. Лучше уж выйти, чем чувствовать за своей спиной Ледкова.

Дачник вырос перед ними, огромный, лохматый, злобный, будто из-под земли, и гаркнул:

— Ты — к корове, ты — к козе!

Голос у него был глухой, густой, вязкий. Казалось даже, если он закричит на всю округу, то эхо не отзовется.

Федоров все же глянул на машину — нет ли там второго дачника Ледкова?

— К какой козе, Женья? — нерешительно переспросил Серега.

— Вперед, на мины! — прорычал дачник, махнув огромным штык-ножом над головой. Где он его прятал, откуда выгацил, ни Федоров, ни Серега не поняли. Серега схватил Федорова за руку, и, гремя ведром, они рванули в сторону леса.

— Что делать-то, что делать? — поминутно оглядываясь на бегущего сзади дачника, выпучив глаза, шептал Серега, больно вцепившись отросшими ногтями в руку Федорова.

— Женюшка, не спеши, не повались! Успеем, подоим. Вон они стоят, коровки твои и козы... — кричал он дачнику Ледкову истошным голосом.

— Убью!!! — вопил дачник Ледков, гремя тяжелыми сапожищами.

Когда они добежали до редких молоденьких сосенок, лохматая голова дачника с озверевшими глазами еще долго мелькала среди деревьев. Обессиленный, Серега и Леонид Петрович рухнули в яму под вывернутое с корнем огромное дерево. Долго не могли отдышаться.

— Он машину водит? — спросил Федоров.

— Водит, — тяжело дыша, кивнул Серега, — А ключ там?

— Там.

— Уедет. И телефон твой спортит, — прошептал Серега, трясущимися руками вытирая пот со лба.

— Ты хоть бы спросил у него, почему корова на горе пасется, — укоризненно сказал Федоров. — Что корове тут делать? Она ж в стадо ходит...

— Какое стадо? Нет уже теперь стада. Три коровы на деревню.

— Так у него есть корова-то?

— Нет, конечно.

— А зачем же ты мне сказал ехать?! Серега! Блин!

— Откуда я знал?! Может, его кто попросил подоить? Может, чужую? Может, пока я в запое был, он эту корову на гору привел! Откуда я знаю!

— О-о-о-о, — простонал Леонид Петрович, представив, как дачник Ледков едет на его машине по трассе и отвечает на звонки его заместителей.

— О-о-о! Вот тебе и о-о-о! А ты как думал? Я ж две недели отсутствовал.
— На хрен! Продать и дело с концом. Все! Вот на этом как раз и точка! — сказал Леонид Петрович и полез из ямы.

Сергеа всю дорогу молчал, напряженно глядя в мелькающие стволы деревьев — нет ли где случайно лохматой головы дачника Ледкова.

Только один раз он доверчиво сообщил другу детства Федорову, что ведь Ледков тоже шел с ним эти две недели.

Машины на месте не было.

Леонид Петрович вспомнил сразу свою супругу Илону. Вспомнил с каким-то тревожным трепетом, будто любимую женщину, и трепет этот не отпускал его душу до самой деревни.

Пошли к Серегинной Ольге.

— Ольга! Женя не проезжал на машине? — спросил Сергеа.

Ольга, посторонив Сергеа и Федорова, степенно вошла в дом, неся в руках штук пять куриных яиц.

— Здравствуй, Ляня! В отпуск приехал или так?

— Так.

— Плоховато куры несутся. Не знаю, что и делать.

— Витаминово не хватает, — сказал Федоров.

— Давала витамины, как же. Пятнадцать куриц, а всего по пять яиц в день. Что ж такое?

— Да ты слышишь мужа или нет?! — возмутился Сергеа, — Женя, спрашиваю, на машине черной, большой не проезжал?

— Утром был у нас. Вы ушли корову доить.

— Это я знаю! Я про машину спрашиваю!

Сергеа вспотел от негодования.

— Чью?

— Нашу!

— У нас нет машины, Сергеа. Женя ушел корову доить.

— Тогда скажи, откуда у него корова? — ядовито прошипел Сергеа.

— У него нет коровы. Зачем она ему?

— Так что ж ты, такая-сякая, мне это утром не сказала? — взвился Сергеа, нервно оттягивая тесный ворот свитера, — Что ж ты, кровопийца, ухом не ведешь, когда твоего мужа на верную гибель, на смертную казнь уведут?

— В чем дело? — мирно удивилась Ольга, — Сергеа, ты завтракать не стал, сказал, что мутит, и сам пошел корову доить. Может, свининки пожарить? Будете есть с Леней? Я быстро.

— У-у-у, — протянул Сергеа, обхватил голову руками и рухнул на диван. — Видишь, Левонид, с кем я живу?

— Понимаешь, Оля, — занервничал Леонид Петрович, — Дачник этот Ледков машину мою угнал. Мы ездили корову доить, а он уехал. И телефон там. А я ведь все-таки директор... мне звонят ведь...

— Чью корову? — уточнила Ольга.

— Ничью. Мы ее не нашли, она ушла. А ты не видела, не проезжал он мимо окон?

— Только Михалыч на молоковозе проехал и все. Женю не видела. А что случилось?

— Да машину он угнал! — завопил Сергеа.

— Это мне понятно. Ну а случилось-то — что?

— У-у-у, — взвыл Сергеа и бросился вон из дома.

— Сергеа, надо в милицию позвонить! — крикнула ему вдогонку Ольга, — И в больницу! Вдруг он погиб?

Леонид Петрович пошел за Серегинной.

— Сергеа, откуда позвонить в милицию?

— От Петра Иваныча, у него дома телефон, — простонал Сергеа.

— Ленечка, — окликнула из проема двери Ольга, — Ты бы пошел домой, переоделся. Сними тетикатину кофту, а то люди смеяться над тобой будут.

— Отстань от нас! Отстань!!! При чем тут кофта?! Мы чуть не погибли! — завопил Сергеа.

От Петра Иваныча они позвонили в райотдел милиции, долго и подробно объясняли ситуацию, потом позвонили в больницу и рассказали, что опасный дачник Ледков ездит где-то на машине. Не прошло и часу, как в деревню приехала “скорая помощь”, а потом участковый на мотоцикле. Серега отправился с ними на место происшествия, надеясь найти машину неподалеку от горы, а Леонид Петрович пошел домой. Покормил прилудившуюся к дому черную кошку, пошел в сарай, взял косу и стал выкашивать двор и сад.

Косил до самого вечера, изредка останавливаясь, чтобы подточить косу. Сначала косил играючи, с наслаждением, потом набил руку, и дело пошло быстрее, но уже не так весело.

Тяжелые мысли о приезде Илоны и покупателей не выходили из головы. Приближаясь постепенно к краю сада, загадывал: “Вот до антоновки докошу, и Серега прибежит, скажет, что нашли машину. Илона и не узнает ничего”. Но от антоновки он докашивал до осенней полосатки, а Серега не шел, и вокруг не было ни души. Маленькая, еле живая деревня под вечер совсем затихла.

Когда Леонид Петрович, обливаясь потом и шумно дыша, докашивал последние метры, сзади по скошенному тихо подошла соседка тетя Аня.

— Труд на пользу, Леник, — сказала она.

— Спасибо.

Он остановился, оперся о косу и положил голову на руки.

— Устал, поди? Ты в траву ляг, — посоветовала тетя Аня, — Она сейчас помирает, скошенная, всю силу косарю отдаст.

Леонид Петрович послушно рухнул в ароматную траву и растянулся.

— Ты куда укус девать будешь?

— Вам отнесу.

— Спасибо, Леник. А я тебе молочком заплачу. Хочешь, нынче, хочешь — на следующее лето.

— Я, тетя Ань, дом завтра продам. Больше не приеду.

— А... Ну-ну, — кивнула тетя Аня. — Люди-то хорошие покупают?

— Хорошие.

— Да, люди все хорошие. Это сейчас так кажется, что жизнь долгая, а не успеешь оглянуться — старость. Ох, все кости ноют, Леник. Где и покой найти, как не в родном доме? Нигде его нету, покоя, окромя как в нем.

— Мне тут сны плохие снятся, — пожаловался Леонид Петрович.

— Значит, так надо. Забыла спросить, поймали Женю-дачника или нет?

— Пока все тихо.

— Вот горе, — сказала тетя Аня и пошла из сада.

— Теть Ань! — окликнул ее Леонид Петрович, — Это не ваша кошечка ко мне пришла жить? Черная, маленькая.

— Моя дома. Она старая, слепая уже, с печки не слазит.

Кошка сидела на кровати и умывалась, тщательно вылизывая лапку, будто в ней было мороженое.

— Гостей намываешь? — нахмурился Леонид Петрович. — Приедут гости, приедут.

Он подошел к шкафу, достал с полки три полотенца, старое маманино платье, в котором она была на его свадьбе, кружевную скатерть, которую маманя стелила на стол только по большим праздникам.

— Куда это все деть? А, Мусь? Кому это все надо?

Он погладил кошку.

— А тебя куда деть?

На веранде раздалось громыхание, в дом, шумно и радостно дыша, влетел Серега:

— Левонид! — торжественно провозгласил он с порога. — Психа поймали! Ура! Опасность миновала!

— Ура, — усталю, с облегчением выдохнул Леонид Петрович.

— Теперь его будут лечить. В психушку повезли. А машину он твою разбил. Вдребезги! Платить ему нечем, имей в виду.

Леонид Петрович выпрямился.

— Вот, Левонид, какая все-таки он сволочь! Обманным путем покататься захотел.

Сергеа гоготнул.

Леонид Петрович молча встал и полез в сумку.

— Знаешь, куда он поехал, Левонид? Домой! В городе корову с козой искал. Во, дурик! Где ж в городе их найдешь, если их и в деревне нет.

— Короче, — прервал его Леонид Петрович, — Я спать буду. Иди домой.

— Ты чо? Ольга нам ужин готовит! Выпьем.

— А завтра опять корову доить?

— Да брось ты, Левонид, хватит расстраиваться, купишь себе новую машину. У тебя денег куры не клюют, наворовал мешков пять, поди. Завод прикарманил, а машину жалеешь. Где ты эту кошку взял черную?

— Нормальная кошка.

— Черная!

— А я что, в баню ее мыться поведу?! — заорал Леонид Петрович во все горло.

Сергеа притих, потом медленно встал со стула и пошел из избы. У дверей оглянулся:

— Дом продавать будешь? Все денег мало?

— Буду. Мало.

— Тогда я завтра подводу приведу, буфет отдашь. Об тете Кате память мне будет. Понял?

— Бери, что хочешь.

— И стол дубовый этот заберу. Его еще прадед твой, дед Егор смастерил. Не оставлять же татарам.

— Я, может, еще не продам! — сказал Леонид Петрович, прикрывая собой стол.

— Продашь, — махнул рукой Сергеа, — Ты его уже давно продал.

Снилось ему что-то непонятное, лишнее, страшное. Оно цеплялось за горло, мурашками бегало по телу и било по ногам. Федоров отчаянно сопротивлялся, что-то мычал, но никак не мог крикнуть и позвать на помощь. Пытался махать руками, но руки были неподвижными. Это жуткое без названия толкало его в бок, прокусывало кожу и просачивалось внутрь, растворялось в крови, устремляясь к сердцу.

Тело закаменело, но мысль была ясной. Леонид Петрович хорошо слышал, как тикают часы на руке. Хотел перекреститься, но руку поднять не смог. Попытался шептать молитву, но губы не слушались его. Скрипнула входная дверь. Федоров собрал все силы, приоткрыл глаза и увидел в крошечной тьме две большие тени. Они прошли по избе, сели за стол и начали разговаривать. Леонид Петрович слышал каждое слово, но не понимал, что значат эти слова. Они отскакивали от него неприкрытыми и возвращались к теням.

— Или-или, — услышал и понял, наконец, Федоров, повторил про себя, чтобы потом вспомнить: или-или.

Он четко понимал, что в доме — дед и отец. Он никогда их не видел, знал только по фотографиям. Дед умер еще до его рождения, а отец пропал без вести. Мать говорила, что деда погубил осколок в ноге, который он не хотел удалять. А отца он ждал всю жизнь. И вот он пришел.

Федоров проваливался в сон, возвращался и снова проваливался, а они все сидели и разговаривали на непонятном ему русском языке. Он даже привык, что они есть. Даже показалось, что надо бы слезть в печи и подойти к ним...

Но помешал шум мотора. Леонид Петрович почувствовал, что в самом начале деревенской улицы, домов за пятнадцать гудит машина, стараясь проехать колдобины и рытвины дороги.

Легко открыл глаза и в один момент спрыгнул с печи. В избе никого не было. Серый рассвет едва дышал в запотевшее окно. Он схватил спящую кошку и бросился вон из избы. Сидя в огороде под кустом смородины, смо-

трел, как вышли из машины покупатели — два незнакомых ему мужчины, как вылезла со второй попытки его супруга Илона в черном брючном костюме, с ярко-рыжей головой. Как они втроем оценивающе смотрели на дом и натянута смеялись.

Федоров прижал к груди Мусю и, согнувшись, побежал вглубь сада. Там было ближе к ольшанику, за которым лесная дорога вела к трассе.

— Тише, Муся, тише, — упрасивал он вырывающуюся из рук кошку, — Сейчас поймаем попутку и поедem домой.

Кошка царапалась, выгибаясь всем телом, рвалась из рук. С неожиданной силой и злостью она вывернулась и, спрыгнув в траву, стремглав помчалась к дому.

— Зачем? — растерялся Федоров, — Зачем ты им?

Он направился к лесу. Быстрым шагом прошел любимую летнюю дорожку, стараясь не смотреть по сторонам на родные повороты, знакомые с детства остатки землянок, окопов и блиндажей.

Понял вдруг, что не переоделся, идет в маманиной фланелевой кофте — голубые незабудки по зеленому полю, — но не расстроился, кивнул согласно. Потом вспомнил, что у него нет денег, и опять согласно кивнул. Потом вспомнил, что не взял паспорт, и даже обрадовался. Пошел веселее, поднял прутик, стал сшибать на ходу верхушки высоких стеблей поблекшего от солнца иван-чая.

Когда вышел из леса на трассу, не удивился тому, что она была пустая. Опять кивнул, согласился с тем, что на ней нет ни одной машины. Шел себе и шел вперед, как абсолютно вольный человек. Никаких желаний, никаких страхов, никаких планов. Шел себе и все. Продал дом — свободный человек.

Шел, пока не увидел их.

Дед и отец шагали в ногу ему навстречу. “Или-или”! — мелькнуло в голове у Федорова. Он так и не понял, что это значит, раскинул руки и грохнулся на колени:

— Батя! Дед!

Они, не сбавляя шага, то приближались, то отдалялись, сурово глядя себе под ноги и оставляя на песчаной обочине глубокие следы от солдатских сапог.

— Батя... Дед... Простите... — выдавил наконец из себя Федоров, и два тяжелых, будто грубо вытесанных из каменной глыбы человека подошли к нему вплотную. Леонид зажмурился, представив, что сейчас они раздавят, сплющат, сметут его со своего пути.

Но они проскользнули сквозь него бесшумно и легко, как вешний ветерок. Только что-то железное заскрежетало и немного перерезало пополам его сердце.

— Осколок в ноге, — подумал Федоров и услышал тяжкое, приглушенное рыдание и последний всхлип своей крови. Он упал ничком прямо в след от кирзового отцовского сапога. Схватил ртом воздух, но попала только земля — почему-то соленая, как пот.

Федоров смахнул с себя все ненужное и заторопился к ним. “Или-или” — звенело и светилось в нем вместо него, и этот звонкий свет звука стал им самим — настоящим, живым, свободным. Он пронзил насквозь твердь, которая раньше мешала ему видеть, и изумился величию и простоте всего сущего. Всего, кроме яркого пятна на обочине отдаляющейся трассы — голубые незабудки на зеленом фланелевом поле.